С нетерпением он направился к обнаруженному столбу и только когда достиг самого алтаря, понял, что оставляет за собой кровавые следы. Внезапно его кожа начала жутко чесаться, словно по ней бегали муравьи.

Надо привести себя в порядок, решил он. Открыв экран состояния, он скрестил бы пальцы, если бы они у него еще были. Он надеялся, что расправа над сурикатами принесет ему очки добычи для повышения уровня.

Как выяснилось, надежда оказалась напрасной.

Прогресс до Эволюции: 165/178 ПП для повышения уровня

Все эти чертовы крысы 0-го уровня, - ворчливо подумал Доминик, убирая экран статуса. По крайней мере, я не голоден и не хочу пить после всего этого.

Уровень голода: 95 %

Уровень жажды: 99 %

За весь бой он почти не потерял ни выносливости, ни здоровья. Вернее, он их потерял, но поедание трупов восполнило практически все утраченное. У него осталось 210 HP и 74 SP, но выносливость, по крайней мере, восстановится после отдыха. Что касается HP, то ему нужно было получить еще 13 очков добычи, и все было бы в порядке.

Доминик не хотел, чтобы на его добыче остались кровавые отпечатки лап. Без возможности сразу же повысить уровень или принять душ ему придется убираться по старинке. Вылизать себя.

Поднеся лапу ко рту, Доминик постарался не думать об этом слишком много. Все равно что облизывать пальцы после еды пиццы или еще чего-нибудь. Это был первый раз, когда ему приходилось мыть себя языком, но он уже не раз чистил руки языком, когда под рукой не было салфетки.

Однако его тело знало, что делать, и действовало автоматически, позволяя чувствам взять верх над памятью. Язык лизнул его мохнатую "руку", протянувшись дальше, чем он привык, и забравшись в пространство между пальцами ног.

Щетина на языке прочесывала мех, и ощущение было удивительно... приятным. Может быть, дело в том, что это тело было знакомо с самоочищением после хорошей еды или с тем, как его чистила мать, но, вылизывая лапы, он ощущал теплое чувство безопасности. Как будто он был ребенком, укрытым любимым пледом.

Только его человеческий разум возражал против того, чтобы лизать ту же самую лапу, которой он убивал сурикатов и тродилов, а также ходил по полу храма и земле снаружи. И он вдруг начал понимать, что его человеческий разум имеет меньшее влияние, чем он думал.

Привычные действия, мышечная память - все это было ему знакомо. Он не удивился, когда после первого периода привыкания ему удалось без особого труда освоиться с движениями, к которым привыкло это тело. Не стоило удивляться, что нейронное развитие мозга льва, физическое выражение его мыслей, оказывало не меньшее влияние.

Я почти не вспоминал о своем отце, - с внезапной тоской осознал Доминик. Об отце, который поддерживал его после ухода мамы, который всегда был терпелив и любящ. Его отец, которого

не устраивало, что он просто работает в кафе, но он смирился с этим, если он этого хотел. Его отец, который помог ему оплатить перелет, потому что надеялся, что это поможет Доминику "найти себя". Его отец, который будет недоумевать, что, черт возьми, с ним произошло.

Как же я о нем не подумал? Но ему казалось, что он знает ответ. Лев не привык думать о родителях. Не привык скучать по ним. И поэтому, если бы Доминик не пытался активно думать о своем отце... он не думал. А как же вся эта ситуация?

Теперь, когда он начал думать о том, о чем не думал, он понял, что ситуация пугает его гораздо больше, чем он думал. Или не думал, это уж точно. Я вдруг стал львом. Я больше не... не человек.

Лео снова почувствовал, как боль, вспыхнувшая при этой мысли, раздирает его нутро. Мозг льва привык ориентироваться исключительно на настоящее, так что именно так он и поступил. Но это означало, что он не справился... ни с чем из этого.

Доминик понял, что застыл на месте: его язык наполовину облизал лапу. Он возобновил движение, нуждаясь в чувстве комфорта, которое приходило вместе с ним, независимо от раздражителя. Волна безопасности, нахлынувшая на него, как теплое одеяло, помогла сдержать панику, которая грозила его утопить.

Мир, который я знаю,... исчез, - заставил он себя признать, закрывая глаза и позволяя успокаивающим движениям уборки происходить по мышечной памяти. Произошел какой-то апокалипсис. Я был вынужден вселиться в тело льва. В нем поднялся гнев, когда он заставил себя вспомнить этот момент. Злость на Лео за то, что он спровоцировал это, напав на него в первую очередь. Затем в голову пришла мысль.

И Лео был вынужден стать пассажиром в собственном теле, - закончил Доминик, и гнев исчез, сменившись сочувствием и печалью ко льву, который, в конце концов, поступил так, как поступают львы. Хотя тот факт, что Лев ел его в момент прибытия Системы, вероятно, и стал причиной их объединения, человек в этом уравнении тоже был виноват.

В конце концов, если бы Доминик остался в своей разбитой машине, а не пошел наперекор всем советам и не выбрался в заповедник, на него бы не напал Лео. А если бы Система не появилась в тот момент, когда она появилась, Доминик бы просто умер. Так что Лео виноват не больше, чем Доминик.

А что случилось с остальным миром? спросил себя человек в ловушке внутри льва. Я пока не видел никаких следов людей, но, конечно, их так же изменили, как и меня? Ведь теперь это действительно были "они". А не "мы". Он больше не был человеком. Но Система столкнулась с ошибкой только после того, как начала пытаться восстановить меня, так что это должно означать, что, если бы она прибыла на несколько минут раньше, она бы восстановила меня рядом со львом, а не пришлось бы объединять нас. Предположительно, это означает, что я с людьми на одной планете.

Значит, мой отец мог быть жив. Это была приятная мысль - представить, что человечество не пострадало от этих изменений. Доминик позволил себе на мгновение предаться этой мечте, представив, как его отец, как обычно, отправляется на работу, едет в Лондон на двухчасовой электричке, работает в офисе менеджером инвестиционного фонда, а затем возвращается домой в пустой дом и задается вопросом, где его единственный сын.

Думать об этом было немного больно, но гораздо менее болезненно, чем о сценарии конца света, навеянном многими историями о системном апокалипсисе, которые он читал.

Представлял себе инопланетных монстров, бегущих по улицам или срывающихся с небес, чтобы расправиться с уязвимыми людьми. Или криминальные элементы общества, быстро поднимающиеся на вершину благодаря заработанным очкам добычи, или ХР, или тому, что зарабатывают люди, и создающие города, управляемые бандами.

Когда в воображении Доминика стали возникать сценарии, в которых в дом его отца врываются монстры - человеческие или иные - и убивают его за ту малую пользу, которую может принести его тело, он заставил себя сосредоточиться на настоящем.

Может быть, мозг льва был прав, мрачно подумал он. Как беспокойство об этом может мне помочь? Никак, - был ответ. Осознав, что за то время, пока он был погружен в свои мысли, он полностью очистил одну из своих передних лап, он переключился на другую и снова погрузился в свои мысли.

Пока он не пытался думать о прошлом или будущем, все было в порядке. Он справлялся со своим новым телом, повышал уровень, как ему казалось, с приличной скоростью, и вроде как наслаждался исследованием подземелья. По крайней мере, ему нравилось зарабатывать лут. Что толку думать об отце, который, возможно, находится от него на расстоянии не менее двенадцати тысяч километров?

Если с отцом все в порядке, это замечательно. Если же нет, то что Доминик мог с этим поделать? Даже если бы самолеты и машины все еще существовали - а в этом не было никакой гарантии, - как лев, он не мог бы заявиться в местный аэропорт и купить билет.

Несмотря на это, его охватила волна веселья, когда он представил себе реакцию крупного хищника, случайно вошедшего через раздвижные двери аэропорта, подошедшего к билетной стойке и попытавшегося пообщаться со служащим на рыке. Вообще-то охрана, наверное, не пропустила бы меня так далеко, подумал он. Образ льва за рулем арендованного автомобиля был еще более забавным.

Так что нет, любая попытка вернуться к отцу потребует от него пройти пешком через всю Африку, переплыть Средиземное море - или воспользоваться длинным путем - и затем пройти через две европейские страны, прежде чем переплыть Ла-Манш. И это еще при условии, что страны мира по-прежнему выглядят так, как выглядели до апокалипсиса, в чем Доминик сомневался, судя по тому, что в сообщении Системы говорилось об объединении трех других миров с Землей. Короче говоря, шансов было мало. С таким же успехом он мог бы отрастить крылья и просто полететь туда.

Лучше бы Доминик нашел способ вернуть себе человеческий облик, чтобы воспользоваться всеми доступными человечеству средствами передвижения. Тогда он сможет узнать, что случилось с его отцом. Хотелось бы надеяться, что он действительно найдет своего отца, но Доминик осознавал, что его поиски могут закончиться не совсем счастливо.

Странно было осознавать, что он бесконечно больше беспокоится об отце, чем о том, что теперь застрял в теле, значительно отличающемся от прежнего. Но, полагаю, это естественно. Хотя мне и не хватает элементов моего человеческого тела, нельзя отрицать тот факт, что это тело намного лучше моего человеческого. Во всяком случае, физически. А если бы ему удалось обрести человеческую или гуманоидную форму, он получил бы все преимущества обоих тел.

Так что, возможно, вполне естественно было не так уж сильно расстраиваться из-за непроизвольного переноса тела. Конечно, если учесть, что альтернативой была смерть, он был рад тому варианту, который оставил его в живых. Если бы Система предоставила ему выбор

между этими двумя возможностями, он бы выбрал именно то, что произошло на самом деле.

И, честно говоря, в некоторых отношениях он получил лучшую сделку, чем Лео, - он не мог представить, каково это, когда кто-то другой берет под контроль его тело, а ему приходится быть просто беспомощным сторонним наблюдателем. Непрошеное чувство симпатии пронеслось сквозь него к львиному присутствию, которое оставалось на краю его сознания.

На этот раз вырваться из своих мыслей было легче. Он чувствовал себя спокойнее, умиротвореннее. Возможно, это была смесь приятных ощущений от груминга и проработки эмоций, о которых он не задумывался, но которые присутствовали на заднем плане. В любом случае, осознание того, что он скучает и беспокоится об отце, но не может ничего сделать в ближайшее время, принесло облегчение.

Переключив внимание на свои лапы, он отодвинул на задний план последнее человеческое чувство "нехорошо" и сосредоточился на том, чтобы как можно лучше вымыть вторую. Убедившись, что на добыче не останется кровавых отпечатков лап, он приподнялся и облокотился на край колонны.

Как и в предыдущей комнате, внутри находился небольшой деревянный сундук. Сделав те же движения, что и в прошлый раз, Доминик открыл ящик.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/102475/3822356